

Александр Полунов: Православный приход как зеркало пореформенной России

*Alexander Polunov (Lomonosov Moscow State University, Russia):
The Orthodox parish as a mirror of post-Reform Russia*

DOI: 10.31857/S2949124X24040058, EDN: FFXECE

Фундаментальная и чрезвычайно масштабная как по объёму, так и по охвату рассматриваемых проблем, количеству и разнообразию привлечённых и впервые вводимых в научный оборот источников³, монография А.Л. Беглова относится к числу работ, без которых невозможно полноценное осмысление истории Русской Церкви синодального периода. Центральная тема книги — устройство прихода — связана с «сердцевиной» церковной жизни и многими её ключевыми аспектами, включая взаимоотношения клира и мирян, организацию духовного сословия, его материальное обеспечение, обучение и пастырскую деятельность, систему епархиального управления и финансов. Вся эта проблематика так или иначе затрагивается исследователем.

Касаясь историографии рассматриваемой темы, Беглов справедливо отмечает, что, несмотря на очевидное значение приходов для Церкви, их положение изучено далеко не в полной мере. Отечественные авторы конца XIX — начала XX в. описывали его почти исключительно при характеристике православного духовенства. В СССР данные сюжеты практически вовсе перестали освещать, а на Западе интерес к ним возродился лишь в 1970-е гг., опять же в русле популярных тогда идей «социальной истории» и изучения истории клира как части российского общества⁴. В 1980–2010-х гг. под влиянием культурно-антропологических подходов учёные обращались прежде всего к анализу повседневных практик и «человеческого измерения» приходского быта, а также особенностей восприятия тех или иных явлений и процессов религиозного характера⁵. В значительно меньшей степени рассматривались специфика структур, обеспечивавших взаимодействие паствы и пастырей, усилия властей по реформированию соответствующих институтов и возникавшие в связи с этим споры в обществе, т.е. именно то, чему вполне обоснованно уделяет особое внимание Беглов.

Пытаясь приспособить церковные общины к меняющимся и весьма противоречивым требованиям времени, государство непосредственно вмешивалось в отношения клира и прихожан и постепенно ограничивало приходскую автономию. В монографии показано, что подобные процессы наблюдались уже во второй половине XVII в. и были очевидным симптомом утверждения абсолютистских порядков. В рамках «регулярного государства» Петра I и его преемников огосударствление прихода получило дальнейшее развитие, став частью

³ Среди них — материалы, отложившиеся в ходе обсуждения реформы приходских попечительств 1890 г., делопроизводственные документы Святейшего Синода и его комиссий, занимавшихся разработкой приходского устава, проекты депутатов Государственной думы.

⁴ Классическими в этом отношении стали труды Г. Фриза: *Freeze G. The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century*. Cambridge (Mass.), 1977; *Freeze G. Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform*. Princeton, 1983.

⁵ См., в частности: *Shevzov V. Russian Orthodoxy on the Eve of the Revolution*. Oxford, 2004 (русский перевод: *Шевцова В.Ф. Православие в России накануне 1917 г.* СПб., 2010); *Orthodox Christianity in Imperial Russia. A Source Book on Lived Religion* / Ed. by H.J. Coleman. Bloomington, 2014.

комплекса церковных реформ (введение штатов духовенства, обременение его целым рядом светских бюрократических обязанностей и т.д.). Как известно, это способствовало превращению священнослужителей в замкнутое сословие, что впоследствии чрезвычайно осложняло развитие приходской жизни. Беглов видит в сословной замкнутости клира результат целенаправленной деятельности властей. Однако оно скорее стало побочным следствием окончательного оформления дворянских привилегий и жёсткого определения статуса податных сословий.

Прямым продолжением политики XVIII в. явилась реформа 1808 г., окончательно превратившая приход из самоуправляющегося сообщества в административно-территориальную и фискальную единицу. Делалось это с благой целью — обеспечить за счёт местных средств материальную базу для создававшихся по единому образцу духовно-учебных заведений. В итоге же изъятие значительных сумм не только лишило приходы самостоятельности, но и привело во многих случаях к их обнищанию. Старосты из выборных представителей мирян фактически превратились в агентов правительства. Попытки спасти хотя бы часть доходов вели к злоупотреблениям, появлению «чёрных касс» и «теневой экономики», а это, разумеется, вносило деморализацию в приходскую жизнь. В таком состоянии её застала эпоха Великих реформ 1860—1870-х гг., когда в общественных и правительственных кругах заговорили о необходимости оживления деятельности Церкви, немыслимого без возвращения самостоятельности общинам верующих и совместной работы клира и прихожан.

Драматическая история неудачных попыток церковных преобразований во второй половине XIX — начале XX в. занимает значительную часть книги Беглова (с. 102—342) и показывает, насколько сложно было, даже при наличии ясно выраженной воли государства, священства и общества, изменить ситуацию, складывавшуюся на протяжении двух столетий. Ещё на заре Великих реформ, 25 ноября 1857 г., митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов) отметил: «Несчастье нашего времени то, что количество погрешностей и неосторожностей, накопленное не одним уже веком, едва ли не превышает силы и средства исправления»⁶.

Беглов последовательно описывает основные этапы длительного обсуждения проблем прихода, протекавшего в условиях широкой гласности, начиная с заседаний Особого присутствия по делам православного духовенства в 1862—1885 гг., и реализации предложенных реформаторами мер, таких как введение приходских попечительств и отмена сословной замкнутости священнослужителей. В монографии освещено укрупнение приходов, осуществлявшееся с конца 1860-х до конца 1870-х гг., говорится о новой редакции инструкции церковным старостам, подготовленной К.П. Победоносцевым в 1890 г., анализируется синодальное определение о создании приходских советов в 1905 г., излагаются взгляды, высказанные в том же году в отзывают епархиальных архиереев, звучавшие в Предсоборном присутствии, в Синоде и, наконец, в Государственной думе. Однако всё это ни к чему не привело вплоть до конца существования Российской империи.

Разумеется, в истории пореформенной России были и другие примеры неудавшегося реформаторства. В данном же случае исход во многом предопределило особо острое, по сути непримиримое противостояние разных сил, так

⁶ Письма митрополита Филарета к преосвященному Иннокентию Камчатскому (1856—1864) // Русский архив. 1881. Кн. II. Ч. 1. С. 28.

или иначе заинтересованных в приходских делах — государства, мирян и духовенства (как иерархов, так и рядовых клириков). Испытывавшие хроническую нужду священнослужители, учитывая фактическое огосударствление приходов, добивались назначения им государственного жалованья, которое в материальном отношении уравнило бы их с чиновниками. Однако в правительстве считали, что такие расходы будут непосильны для казны, и к тому же полная бюрократизация клира лишь отдалит его от паствы и снизит заинтересованность пастырей в исполнении своих обязанностей.

Публицисты, особенно славянофильского толка, настаивали на выборности духовенства прихожанами, что должно было само собой привести к укреплению доверия между ними. Священники в массе своей с этим не соглашались. В либеральной, а иногда и в славянофильской печати их позицию осуждали как проявление некой косности и сословного эгоизма. Между тем, выступая против выборности клира, они отстаивали канонические правила Церкви и стремились сохранить такое важное и дорого стоившее достижение синодальной эпохи, как наличие у иереев систематического духовного образования.

В итоге столкновение этих подходов открыто проявилось в 1917 г. Для массы мирян падение монархии и провозглашение новых, демократических принципов управления послужило сигналом к так называемой приходской революции, в ходе которой прихожане явочным порядком захватывали церковное имущество, отказывались уплачивать епархиальные взносы, отстраняли и выбирали причт. Против этого протестовали даже органы, создававшиеся на основе свободного волеизъявления верующих — Всероссийский съезд духовенства и мирян, Предсоборный совет, а затем и Поместный собор. Бесконечные споры, как ни парадоксально, оборвала антирелигиозная политика большевиков, заставившая клир и мирян сплотиться для защиты прав и самого существования Церкви. Однако их консолидация оказалась во многом запоздалой и бессильной перед лицом репрессий и физических расправ.

Тем не менее вплоть до 1918 г. дискуссии об устройстве прихода были, помимо прочего, своеобразным зеркалом, в котором отражались такие явления и тенденции социокультурного развития страны, как модернизация, урбанизация, рост численности и мобильности населения. На страницах книги представлены результаты деятельности приходских попечительств и демонтажа сословной замкнутости духовенства, реконструируется система финансовых сборов с церковью и раскрываются механизмы их повседневного функционирования. В монографии также «оживают» почти забытые, но чрезвычайно интересные фигуры таких высокопоставленных бюрократов и публицистов, как, например, сторонник восстановления «древнерусского строя приходской жизни» А.А. Папков. Споры о прошлом и будущем прихода вписаны автором в интеллектуальный контекст начала XX в., когда научная разработка исторических сюжетов в трудах М.М. Богословского и С.В. Юшкова влияла на трактовку современных проблем.

В целом, работа Беглова даёт важный материал для размышлений о роли и значении религиозных исканий в эпоху модерна, о соотношении секулярного и сакрального в обществе Нового времени, о применимости к нему концепции секуляризма, понятий «постсекулярное», «десекуляризация» и т.п.⁷ Возможно,

⁷ Подробнее см.: *Кыржелев А.* Постсекулярное: краткая интерпретация // Логос. 2011. № 3(82); *Агаджанян А.* «Множественные современности», российские «проклятые вопросы» и не-

обращение к данной проблематике обогатило бы исследование. Заметно выиграло бы оно и от более широкого привлечения воспоминаний приходских священников и посвящённых им некрологов (многие из них указаны в справочнике «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» под редакцией П.А. Зайончковского). Целый ряд наблюдений и выводов, сделанных в монографии, получил бы дополнительное обоснование при опоре на данные материалы.

Впрочем, нет сомнения в том, что монография А.Л. Беглова является зрелым самостоятельным исследованием, без обращения к которому не обойдётся ни один учёный, изучающий историю пореформенной России и Русской Церкви синодального периода.

***Анна Мангилёва: В замкнутом круге бюрократизации
и реформ приходской жизни***

*Anna Mangileva (Yekaterinburg Theological Seminary, Russia):
In the vicious circle of bureaucratization and reform of parish life*

DOI: 10.31857/S2949124X24040067, EDN: FFWLGV

Хронологические рамки исследования А.Л. Беглова гораздо шире указанных в названии книги. Говоря об эволюции приходских структур, автор рассматривает весь синодальный период, а не только происходившее «на закате Российской империи». Опираясь на обширную историографию последних десятилетий, он отмечает: «В начале XVIII в. мы можем увидеть, как церковные и государственные интересы расходятся. Борьба с расколом продолжала быть общей задачей для империи и Церкви, но государственная политика в отношении духовного сословия показывала, что со времени Петра I империя стала смотреть на Церковь и её институты с позиций собственных, часто узко понятых интересов» (с. 58). Это и явилось истоком тех проблем, которые возникали затем в приходской жизни.

Беглов справедливо указывает на то, что историки и сегодня обычно сосредоточены на анализе положения духовенства, тогда как приход зачастую рассматривается ими как фон, на котором протекали интересующие их процессы. Между тем превращение служителей Церкви в замкнутое сословие заметно отразилось на приходской жизни, поскольку государство фактически возложило на прихожан обязанность обслуживать сословные интересы пастырей. Написано об этом немало, но исследователи, как правило, видят тут только причину недостаточного финансирования семинарий и академий, игнорируя иные последствия подобного изъятия средств верующих, предназначавшихся на нужды храмов и причта.

При этом формирование духовного сословия сопровождалось обюрократчиванием. Составление и выдача метрик практически полностью легли на его плечи. С течением времени количество форм делопроизводства на приходе только возрастало, несмотря на происходившую секуляризацию сознания и образа жизни модернизирующегося общества. Сами священнослужители всё

зыблемость секулярного Модерна (теоретическое эссе) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 1(30); Узланер Д. Картография постсекулярного // Отечественные записки. 2013. № 1.